

ГЛАВА 0

Почему у этой улицы было такое странное название? Весной 2018 года на уроке истории в пятом классе школы № 1 города N учительница задала неожиданный вопрос не по учебнику. Пятиклассники даже рук не поднимали: кто его знает, почему улица, на которой их школа, так называется. Просто привычный набор букв, слишком привычный, чтобы о нём думать. Давно затёртый на языке.

— Я не буду вам ставить оценки, — сказала наконец историчка Кристина Сергеевна. — Просто предлагайте свои версии. Можете смело фантазировать.

Милана Лебедько:

— Ну, я думаю, это потому что в старинные времена здесь и тѣк ручей. А на нём, наверное, стояла мельница. Там мог жить старый мельник, например. Он потом умер, мельница развалилась, а ручей пересох. Ну и вот...

— Но тогда улица называлась бы Ручейной. Или Ручейковой... или даже Мельничной.

Артём Чухлин:

— А если был в Древней Руси такой богатырь, которого звали Ручей? Как Илья Муромец или Алёша Попович, только он Ручей. Его так называли, когда он семиголового змея дубиной убил. А этот змей, ну, типа, прятался в ручье и жил там. Ну и воду травил ядом. Короче, предание какое-нибудь.

— И что получается? Тогда это была бы улица Ручья!

Тимур Амиров:

— Мне кажется, название связано с метафорой. Потому что улица извилиста, как ручей. И весной к тому же по ней течёт масса небольших ручьёв.

— Но в этом случае надо было бы писать «улица-ручей», через дефис. Или назвать улицей Ручьёв.

— А если в целом смотреть, — продолжил Тимур, — у нас в этом районе большинство улиц связаны с Великой Отечественной войной. Возможно, когда здесь были немцы, они назвали улицу Бахштрассе, в честь композитора. Люди привыкли, а потом просто на русский перевели. Бах переводится — «ручей».

— Я думаю, перевели бы как «улица Баха», правда, это было невозможно: после освобождения города немецкие названия не оставляли никогда.

— Русские немцам устроили бах! Дуф! Бдуф! Пи-и-иу! В мясо! — выкрикнул Лука Кобец.

Ангелина Тербенко:

— Может быть, наоборот было? Я не знаю... может, ручей назывался Улица? Потому что был, наверное, широким. Не знаю, может, другое ударение тогда? Улица?

— Теперь выходит «ручей Улица»...

Соня Рябцева:

— Да никогда мы не отгадаем, Кристина Сергеевна! Много же улиц, даже деревень всяких непонятно почему называются так. Ну называются, и всё. Вот мы летом ездим в деревню, да? Она называется Петушки. И не Петушкí, между прочим. И никто не знает почему. Но точно она Петушки. Вот я видела на одном старом доме, он от школы вообще даже недалеко, очень старую такую табличку. Там рядом новая есть, а старую не сняли. Она вот прямо совсем уже... никакая, краска даже облезла, и ржавая она. И там вообще, между прочим, было написано: «УЛИЦА И РУЧЕЙ». Я считаю, тут просто историческая путаница. Может, табличка когда-то давно показывала, что тут не только улица, а и ручей ещё течёт. Или это старое название такое — Улица-и-ручей.

— А как тогда называлась улица? И как назывался ручей?

ГЛАВА 1

Павлик,
10 октября 1940 года,
СССР, город N

Наша ненависть к Кобре началась с крысят (но о них попозже!). А всё потому, что она была не учительница, а самая настоящая и жутко лютая мучительница. Мучительница немецкого. Но вначале я расскажу, откуда взялось её прозвище. Первая школьная легенда гласила, что много лет назад один отчаянный пионер прикрепил к платью немки бумажку со словом «контра», он имел в виду её контрреволюционные методы обучения. А в школе «контра» мигом превратилась в Кобру. Вторая легенда — про контрольную по немецкому, контру, которую не могла написать вся школа. Как бы там ни было, скоро все, даже первоклашки, благополучно забыли, как звали Кобру в паспорте. Слишком чести много! Кобра и есть кобра! Зачем ей имя, фамилия и целое отчество в придачу? (Впрочем, ради исторической правды я, так и быть, сообщу, что паспорт звал её Ириной Георгиевной.)

А крысят принёс в школу Сёма Стручков. Его отец Семён Семёнович работал в научной лаборатории биологом. Крысы

работали там же: без них не обходился ни один серьёзный эксперимент. Семья уже безработных лабораторных крыс проживала и в Сёминой квартире. Их соседями были супружеская пара ёжиков, пять золотых рыбок, фокс Фокус, уж Товарищ Узлов и ручная сова Софья Петровна (главная гордость Сёмы).

Разумеется, Сёма был начальником и главным активистом школьного живого уголка. Там проживало двое потомков его золотых рыбок, меланхолический кролик Роберт и гигантская престарелая черепаха Папаха, которую неведомо где раздобыл Семён Семёнович. Ни одна школа нашего города не могла похвастаться таким богатством! Мы это знали точно: неспроста к нам постоянно приходили на показательные экскурсии октябрята и пионеры из других школ. И наша школа № 1 стала настоящей первой среди всех!

Живуголком наши гордились. Сёмино страстное увлечение всем, что бегает, ползает, летает или плавает, передалось классу (за исключением Коли Голубцова). И мы на каждой перемене возились со школьной живностью, поэтому очень скоро замучили и живность (её было меньше, чем нас, и на всех не хватало), и учителей (половина учеников теперь опаздывала на уроки по уважительной причине). В дело вмешался директор Николай Степанович и распорядился начертить специальный график дежурств. Теперь мы приходили по парам, каждая пара дежурила неделю, только Сёма не значился в графике: он был завживуголка и имел право приходить когда хочет, но, разумеется, не во время урока.

Пополнения в Сёмином крысином семействе случались каждые три или четыре месяца. И всякий раз сова Петровна

организовывала так называемый домашний естественный отбор. Предположительно, не без помощи Семёна Семёновича. А Сёма пытался сберечь всех новорождённых во что бы то ни стало. Поэтому, когда крыса Раиса снова родила, Сёма посадил двух крысят (к счастью, их было только два) в специальную клетку: она запиралась на два замка, а ключи Стручков носил на верёвочке на шее и никогда не снимал. Недели три Сёма выкармливал крысят вместе с Раисой, даже во двор редко выбегал. Наконец крысята подросли и окрепли, и Сёма решил отнести их в живуголок.

Сёма потом рассказал, что всю ночь накануне переселения крысят ему снилось, что он приходит в школу раньше всех, даже раньше дворника (хотя дворник Никита Игнатьич жил в школьной пристройке и раньше него прийти было невозможно). И вот Сёма направляется в живуголок, где уже приготовлена огромная просторная клетка, в которой даже установлен барабанчик, чтобы крысята бегали, как белка в колесе... Стручков проснулся от грохота этого барабанчика, в котором вместо крыс почему-то бегали красные кузнечики. Оказалось, гремел вовсе не барабанчик, а будильник.

Обычно Сёма приходил не раньше, чем отзвенит звонок на урок, и не позже, чем раздастся звонок с урока; он ухитрялся опаздывать после перемены и на второе, и на третье, и на четвёртое занятие... Но на сей раз Стручков превзошёл себя самого, быстро выбежав из дома без куртки с крысятами в коробке обувной фабрики № 2 «Пролетарская победа», где обычно носил бутерброды, яблоки и пирожки на обед (мать давала ему столько еды, будто Сёма отправлялся в кругосветку, но ел он мало и всё лишнее щедро раздавал). Стручков пришёл за пару минут до звонка.

Первым уроком был немецкий, и Сёма сказал мне, что в живуголок пойдёт на перемене: связываться с Коброй не хотел. К несчастью, он сидел на первой парте, прямо напротив немки. Сёма был чудовищно близорук, но очки не носил из принципа, поэтому в школе с одними людьми мог не поздороваться ни разу, а с другими — раза три за день. Но я его понимал, я бы тоже не носил очки.

Сёма прошмыгнул к своему месту рядом с Колей Голубцовым, мрачным типом, унылым малозаметным двоечником. И сразу же спрятал коробку с крысятами под крышку парты. Кобра будто почувствовала неладное и немедленно вызвала Стручкова к доске. Остальные облегчённо вздохнули. А что ему будет? Сёма знал немецкий очень даже неплохо.

Кобра прошуршала своими немецкими книжицами (она нечасто пользовалась учебником), потом передумала и решила диктовать по памяти. Она помнила наизусть килотонны текстов и наивно считала, что мы должны зубрить не меньше, чем когда-то зубрила она. Её никогда не волновало, знаем мы все эти слова или нет. Текст нужно было не только записать немецкими буквами, но ещё и перевести, а через несколько дней знать наизусть! И любая пометка в тетрадке, любая клякса грозила тем, что переписывать придётся заново.

— Goethe. Erlkönig¹, — произнесла торжественно немка. И Сёма старательно вывел мелком: «Gete der König». Немка подняла бровь, и Сёма на всякий случай сразу пробормотал перевод:

1 Гёте. Лесной царь (нем.). — Здесь и далее, кроме оговорённых случаев, — примеч. авт.

— Гэтэ — король.

— Goethe ist der größte deutsche Dichter! — прошипела недовольно Кобра. — Alle zusammen!¹

Мы хором повторили. Кобра стёрла всё, что написал Сёма, и написала на доске сама: «Goethe. Erlkönig», а потом произнесла по-русски: «Гёте. Лесной царь», — и уселась за стол, сняв пенсне.

— Wer reitet so spät durch Nacht und Wind?²

А я задумался, что это за царь. Наверное, медведь: кто ещё царь в лесу? Или лешак, но это уже перебор. Какой, в конце концов, царь в эпоху коммунизма? Голубцов скучал. Он потихоньку открыл крышку и пододвинул к себе коробку с крысятами. Крысята тихо поскрёбывали, мы тоже шебуршали перьями по тетрадкам, а потому Кобра ничего не подозревала, но Сёма заметил неладное, пока скрипел мелом по доске:

— Der Ratte³ so spät durch Nacht und Wi...

Пятаков, сидящий рядом со мной, хотел рассмеяться, но вместо смеха получился сдержанный хрюк. И тут началось... Кто понял, в чём дело, загоготал, кто не понял, смеялся за компанию. Кобра надела пенсне, перечеркнула «Der Ratte» и написала: «Reiten — скакать на лошади». Исправила «der» на «wer» и снова села.

— Es ist der Vater mit seinem Kind...⁴

1 Гёте — величайший немецкий поэт!.. Все вместе! (нем.).

2 Кто скачет, кто мчится под холодной мглой? (Перевод с нем. В. А. Жуковского).

3 Der Ratte — это крыс (нем.). Именно так, в мужском роде.

4 Ездок запоздалый, с ним сын молодой. (Перевод с нем. В. А. Жуковского). Дословно: это отец с сыном.

Голубцов не выдержал и приоткрыл коробку — крысята выскочили и кинулись прямо в ноги Кобре. Сёма в этот момент переводил: «Это отец и его... крысы!» — скомандовал он (видимо, считал, что крысы дрессированные и понимают команды).

— И-и! — пискнул кто-то. Оказалось, Кобра. Она в ярости била ногой одного крысёнка, а потом заглянула под стол и носком туфли убила второго, забившегося в угол. Сёма побелел и замер.

— Уберите эту дрянь. Совок и веник за шкафом, — сказала немка нарочито спокойным голосом. Сёма издал непонятный звук, похожий на «у-а-и», и выбежал из класса...

Мы в ужасе молчали.

— Кто дежурный? — спросила Кобра.

— Я и Зина, — подняла руку Мира Марецкая. — Но я не могу...

— Я могу, — сказал Генка Огранин и встал. Он не стал брать совок и веник, а поднял мёртвых крысят, положил в обувную коробку и вышел из класса вслед за Сёмой.

— Мира, вымойте пол после урока, — сказала Кобра. Мы уже знали, что у Сёмы и Генки будет «sehr schlecht»¹.

На перемене мы не смогли отыскать Сёму, он не появился ни на одном уроке. Зато мы от души побили сумками Голубцова (даже тихий Фунтиков пару раз махнул). После уроков пошли хоронить крысят под окном нашего класса, который как раз

1 Очень плохо (нем.). С 1935 года в школах установили пять степеней оценки успеваемости учащихся: 1) очень плохо; 2) плохо; 3) посредственно; 4) хорошо; 5) отлично.

располагался над кабинетом немецкого, а значит, Кобра не могла не заметить могилу. Я сделал памятник: нарисовал на доске красную звезду и подписал: «Hier liegen zwei junge Ratten begraben. Sie wurden von der Kobra im Okt. 1940 getötet. Zum ewigen Andenken!»¹ Сам бы я такое никогда не сочинил, пришлось попросить помочь старшеклассника Толика Руденца, он не выдаст. Он старший брат Севы, а Сева из нашей компании.

Сёмин портфель мы отнесли к нему домой, и оказалось, он не приходил после школы. До позднего вечера мы бегали по городу с Сёмиными родителями и искали его, думали обратиться в милицию, но милиция пришла сама и привела грязного Сёму. Он никому не сказал, где был всё это время.

А через день нас ждало ужасное собрание. Директор Николай Степанович вызвал всех: и наш класс, и родителей, и Кобру (которая, конечно, увидела наш памятник).

1 Здесь погребены два юных крысёнка. Они погибли от руки Кобры в октябре 1940 года. Вечная память (нем.).

ГЛАВА 2

Учить иностранный язык обычно начинали с пятого класса, но мы в начальной школе любили ходить на кружок немецкого к милой старой учительнице Клавдии Андреевне, которая в том же 1940 году по болезни ушла на пенсию. Конечно, интересовал нас вовсе не немецкий, а печенье, которым кружковцев угощала Клавдия Андреевна. Печенье всегда лежало в картонной коробке «Народная смесь» с картинкой, где на вспаханном поле сидит мужик с непонятным колесом в руках, напомиравшим мне гигантское печенье. Коробка была старая, моссельпромовская, а печенье учительница клала в неё свежее. Кажется, оно называлось «Чайное» и продавалось на развес.

Ещё больше печенье нас интересовали страшные байки про нечистую силу, которые Клавдия Андреевна рассказывала сразу после занятия, если мы хорошо себя вели. Это была наша тайна. Конечно, это всё суеверия, а мы, октябрюта